

ПИСЬМА К ЧЕХОВУ О СТУДЕНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1899—1902 гг.

Статья А. Н. Дубовикова*

1

Многие из мемуаристов, вспоминающие о встречах с Чеховым в последние годы его жизни, рассказывают о том новом, что появилось в его взглядах и настроениях под влиянием все явственнее обозначавшегося общественного подъема, бывшего предвестием первой русской революции. Об этом говорят как близкие знакомые Чехова, длительно и постоянно общавшиеся с ним, так и люди, чье знакомство с писателем ограничивалось немногими случайными встречами. Широко известны и часто цитируются в работах о Чехове воспоминания Вересаева: «Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам <...>. Теперь это был совсем другой человек; видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова» (В. В. Вересаев. Сочинения, т. IV. М., 1948, стр. 504—505). С этим перекликается более обстоятельное свидетельство Елпатьевского, постоянно жившего в то время в Ялте и имевшего возможность часто видеть Чехова и дружески откровенно беседовать с ним.

Характерная для первого этапа их знакомства «временная отчужденность» («мешала политика. Антон Павлович был более чем равнодушен к тому, что волновало меня») в дальнейшем исчезла без следа, как исчезло и равнодушие Чехова к «политике», «не стало прежнего Чехова»: «И случилось это как-то вдруг, неожиданно для меня. Поднимавшаяся бурная русская волна подняла и понесла с собой и Чехова. Он, отвертывавшийся от политики, весь ушел в политику, по-другому и не то стал читать в газетах, как и что читал раньше. Пессимистически и во всяком случае скептически настроенный Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России придвинулась вплотную, что вот-вот сейчас перестроится вся Россия по-новому, светлому, радостному» (С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 305).

Известный врач М. А. Членов, встречавшийся в эти годы с Чеховым во время приездов последнего в Москву, в своих воспоминаниях пишет, что Чехов «в последние годы уже с необычайной для него страстностью, не перенося никаких возражений, <...> доказывал, что мы — „накануне революции“» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 552).

В воспоминаниях Сергея Мамонтова, тогда молодого драматурга, которому пришлось лишь дважды встретиться с Чеховым, мы находим рассказ о беседе с ним в июне 1903 г. в подмосковной местности Наре, где Чехов жил в то лето: «Знаете, — сказал

* Первоначальная подготовка к печати использованных в статье писем Н. В. Алтухова и П. А. Базилевича была произведена Н. И. Гитович.

он, — торопитесь писать для театра. Общество будет интересоваться театром всего два, много — три года. А там ему будет уже не до театра. Настанут в России такие события, которые все перевернут вверх дном. Мы переживаем такое же время, какое переживали наши отцы накануне Крымской кампании. Только нас ожидает еще худшее испытание. Я это знаю наверняка» (С. М а м о н т о в. Две встречи с Чеховым. — «Русское слово», 1909, № 150, от 2 июля). Чтобы не множить цитат, ограничимся еще ссылкой на аналогичные свидетельства режиссера Александринского театра Е. П. Карпова («Две последние встречи с Ант. Пав. Чеховым». — «Рампа и жизнь», 1910, № 24, стр. 391—392) и врача В. И. Киселева, в прошлом студента Киевского университета, участника студенческого движения, который в 1901 г. познакомился с Чеховым в санатории в Аксенове («В Андреевском санатории (Из воспоминаний о Чехове)». — «Орджоникидзева правда», г. Ворошиловск, 1940, № 162, от 14 июля).

Тезис о решительных сдвигах в сознании Чехова в предреволюционные годы прочно утвердился в советской литературе, — трудно найти сейчас статью или книгу о нем, где не было бы уделено большего или меньшего внимания этому тезису и его обоснованию примерами из последних произведений писателя — «Три сестры», «Невеста», «Вишневый сад» и свидетельствами мемуаристов. Однако до сих пор в литературе о Чехове почти не было сделано попытки конкретизировать общие положения о влиянии на писателя «атмосферы, полной революционного электричества», надвигающейся «революционной бури» и т. п.¹

До сих пор остается неисследованным вопрос о том, какие именно факты русской общественной жизни, предвещавшие эту «бурю», доходили до Чехова, какими путями и из каких источников получал он информацию об этих фактах, как их воспринимал и какие делал из них выводы. Известно, что Чехов был всегда, а в последние годы особенно, внимательным читателем газет, что он получал их великое множество — как столичных, так и провинциальных. Даже при заведомой неполноте, а в большинстве случаев и тенденциозности газетной информации о политической жизни страны, она все же давала читателю известное представление о происходящих в стране событиях.

Несомненно, что газеты не были единственным источником осведомленности Чехова о фактах оживления и роста революционного движения в стране: газетная информация восполнялась, а в иных случаях, конечно, и корректировалась живыми свидетельствами людей, встречавшихся с Чеховым или состоявших с ним в переписке. С этой точки зрения еще не было предпринято систематическое обследование огромного фонда писем к Чехову, сохранных им в своем личном архиве (в дальнейшем мы пользуемся ими без ссылок на шифры Отдела рукописей ЛБ).

Не претендуя на полное освещение этой темы, мы в настоящей работе ограничиваемся систематизацией и анализом писем к Чехову, в которых содержатся те или иные отклики на события, связанные со студенческим движением конца 1890-х — начала 1900-х годов. Некоторые из этих писем в разное время были опубликованы (полностью или в выдержках), но в большей своей части они до сих пор остаются ненапечатанными и их введение в научный оборот является давно назревшей задачей.

2

Началом нового и необычайно сильного подъема студенческого движения на рубеже нового века явились февральские события 1899 г. в Петербурге. 8 февраля — день основания Петербургского университета — студенты по традиции отмечали всегда шумно, беспорядочно и весело. По окончании торжественного акта они всей массой направлялись к Невскому, нарушая чинное спокойствие столицы нестройными возгласами и пением. В предыдущие годы этот день нередко отмечался инцидентами, в которых участвовали студенты. В 1899 г. решено было все это предотвратить. По указанию властей, ректор университета проф. Сергеевич объявил о недопущении беспорядков в праздничный день, причем сделал это в оскорбительной для студентов форме, угрожая неподчинившимся наказаниями по статьям уголовного уложения. На годичном акте 8 февраля ректор был встречен шумом и свистом. По окончании

акта студенты, несколько успокоившись, вышли из университета, но увидели, что полиция преградила им путь к Дворцовому мосту, через который они хотели пройти на Невский. Конная полиция, действовавшая по заранее отданному приказу, ответила на попытку студентов пройти за Неву ударами нагаек. Произошло столкновение, закончившееся победой полиции.

Негодующие и возмущенные грубым насилием, студенты решили прекратить посещение лекций и потребовали гарантий их личной неприкосновенности. На последовавшие за этим полицейские репрессии учащиеся всех высших учебных заведений Петербурга ответили решением также прекратить занятия в знак солидарности со студентами университета. Волна возмущения быстро распространилась за пределы Петербурга, студенческая забастовка охватила многие русские города. По имеющимся данным, в забастовке приняло участие более 25 тысяч учащейся молодежи («История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 500).

Так, стихийно возникшие «беспорядки» в Петербургском университете переросли в событие общеполитического значения, явившись, по выражению современного нам историка, «началом периода „бури и натиска“» (В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 321). Однако на этом этапе основная масса студенчества еще не осознавала ясно связи между своей борьбой за гражданские права, за академические свободы и общим процессом нарастания классовой борьбы в стране. Революционное сознание еще не овладело умами большинства студентов, а революционно мыслящая часть студенчества была слишком невелика и не могла играть руководящей роли. К тому же студенческие организации во имя ложного принципа сохранения единства всего студенчества, всех его группировок проводили умеренную, приспособленческую тактику уступок буржуазным и отсталым слоям студенчества. Тем не менее события 1899 г. явились для многих студентов школой политической борьбы, усилили влияние на них социал-демократических элементов, послужили подготовительным этапом к дальнейшему развертыванию политически более зрелого движения последующих годов.

Первые сведения о событиях в Петербурге Чехов получил от брата Александра. В письме от 16 февраля 1899 г. Ал. П. Чехов писал ему: «У нас великое брожение умов по поводу студенческого волнения умов. Виновата полиция. Студенты ведут себя великолепно, сдержанно и с тактом. Все высшие учебные заведения — технологи, инженеры, лесники, даже духовная академия солидарно прекратили лекции по собственной инициативе, пока студентам не дадут гарантии, что их полиция не будет бить по мордам арапниками <...> Подробности так много, что можно написать целый том. Киевские и дерптские студенты прислали депутации о солидарности и тоже забастовали. Ждут, что студенческий пожар разольется по всем университетам. Что-то будет? Студенты поражают всех своим удивительно тактичным поведением. Будет время — напишу подробнее <...>»

В приписке к письму Александр добавлял: «Сейчас получено известие, что и морской корпус примкнул к студентам, и через пять минут сообщено по телефону, что женские педагогические курсы (и бабы туда же!) подали своему попечителю великому князю Константину Константиновичу петицию, к коей приложена жалоба студентов и изложены их нужды и требования» (Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939, стр. 382).

В следующем письме (от 26 февраля) Александр очень подробно излагает ход событий 8 февраля и последующих дней (там же, стр. 383—386). Газетный репортер, связанный с академическими кругами, сотрудник редакции «Нового времени», Ал. П. Чехов располагал, конечно, обширной информацией, как официальной, так и неофициальной, что позволило ему дать брату более полное представление о происходящем, чем тот мог почерпнуть из газет, которые, кстати сказать, вскоре вынуждены были на основании специального циркуляра прекратить печатное обсуждение студенческих волнений.

Так, в письме от 26 февраля Александр подробно рассказывает о закулисной борьбе в правительстве, разгоревшейся вокруг студенческой истории, которой воспользовался Витте для дискредитации министра народного просвещения Боголепова

и министра внутренних дел Горемыкина. Вместе с тем в освещении Александра явно звучат либеральные ноты: слегка иронизируя над «Rex'ом» *, он в то же время одобряет его действия (осуждение рвенца полиции и смещение петербургского градоначальника Клейгельса), возлагает надежды на комиссию генерала Ванновского, «считающегося абсолютно честным и беспристрастным человеком». В таком же духе он расценивает поведение студентов, подчеркивая их политическую благонамеренность и готовность приветствовать царя: «... он велел кучеру ехать по Дворцовому мимо университета, где в это время Клейгельс грозил толпе студентов у запертого полицией университета сослать всех в Сибирь, колесовать и повесить. Завидев экипаж царя, бунтовщики сняли шапки и радостно заорали ура» (там же; последнюю фразу, выпущенную в публикации письма, восстанавливаем по автографу).

Студенческие волнения живо заинтересовали Чехова, и в ответном письме к брату от 4 марта он писал: «Буду ждать от тебя письма — продолжения насчет студенческих беспорядков» (XVIII, 97). Чехову нужны были новые и новые факты, чтобы полнее представить себе картину происходящих событий и правильное понять их объективный смысл и значение. И он получал эти факты от брата, а также от других корреспондентов.

Заканчивая цитированное выше письмо от 26 февраля, Александр высказал предположение, что студенческая история подходит к финалу: «Теперь все тихо, общественное брожение улеглось, и по городу ходят под секретом только фотографии, снятые из окон академии художеств и изображающие избивание студентов арапниками. Ждут теперь, что скажет комиссия Ванновского» (Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939, стр. 387). Однако уже через неделю он извещает брата о дальнейшем развитии событий: «Студенты начали было ходить на лекции, но вчера полиция арестовала нескольких курсисток, и сегодня они снова забастовали» (письмо от 4—5 марта. — Там же, стр. 387). Эти факты грубого произвола действовали даже на скептический ум Александра. «В воздухе носится что-то такое скверное, а что — определить не могу», — замечает он далее в том же письме.

Страх перед надвигающимся призраком революции толкал правительство на новые репрессии, которые вызвали ответную волну возмущения учащейся молодежи. 17 марта последовало решение о временном закрытии Петербургского и Московского университетов и о массовом увольнении из них всех студентов. Обратному приему подлежали студенты, о которых будет дан благоприятный отзыв охранного отделения. Несколько сот человек было выслано в прежние места жительства. В Москве более чем тысяче студентов было отказано в обратном приеме, около 700 человек было выслано из Москвы².

В письмах к Чехову многие из этих фактов также нашли свое отражение. И. И. Орлов, видный земский врач и общественный деятель, приятель Чехова, писал ему 23 марта 1899 г. о разных неприятностях своей повседневной жизни, а затем продолжал: «А впрочем, все это пустяки! Вы не думайте, что я очень удручен всеми этими глупыми житейскими фактами. Есть более важные явления в нашей действительно общественной жизни, каковою проявилась действительно сверх всякого чаяния жизнь наших студентов: ведь это целая Волга, против которой оказываются бессильными все фараоновские запруды Угрюм-Бурчеевых. Со дня на день жду возвращения своей дочери-курсистки из Питера; и бестужевки с 20 марта опять забастовали, как раз в первый день, когда был назначен у дочери третьекурсный экзамен. Наверное и их всех исключат, как исключили всех студентов Петербургского и Московского университетов».

В это же время Чехов получил два письма из Москвы: одно от Н. М. Ежова с лаконичским сообщением: «Московский университет *закрыт*. Говорят, не всех студентов вернули, поэтому в будущем ожидаются еще большие беспорядки» (17 марта 1899), другое — от московского коммерсанта и издателя М. М. Зензинова, выражавшего тревогу за судьбу причастных к волнениям студентов. «Здесь все поглощено университетской историей. Тяжело становится жить при таких условиях, в особенности

* Т. е. царем (лат.).

у кого в семье есть студент. Наш пока в Москве и, вероятно, выслан не будет. Он техник, а Техническое, кажется, не закроют, в начале апреля уже экзамены. Сколько, подумаешь, будет исковерканных молодых жизней, и все из-за чего?» (24 марта 1899).

Гораздо более интересным и значительным было еще одно письмо, полученное Чеховым из Москвы и помеченное 18 марта. Автором его был не сторонний наблюдатель, как Ежов или Зензинов, а юноша, окрыленный открывшимися перспективами борьбы с произволом, воодушевленный смелыми мечтами о будущей свободе. Письмо

ЧЕХОВ

Фотография, 1900 г., Ялта
Литературный музей, Москва

было написано Михаилом Лавровым, сыном издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова. Он писал Чехову:

«В Московском университете с субботы 13 началась забастовка, все исключены и подписывают покаяние. Как только откроется университет — опять начнется забастовка, и так далее, пока не будут удовлетворены требования студентов. В Питере тоже начались волнения. Студенты рады — начальство сбито с толку, введен новый способ борьбы, в руках новое свое оружие, и марксисты приветствуют торжество осуществления практической программы Маркса. Пока фактов нет, полиция захватывает студенческие собрания, переписывает, но — высочайшее распоряжение не вмешиваться в академические дела ставит ее в положение кошки, любующейся воробьем. Вообще получился кавардак. Появились подложные шуточные воззвания от ректора и насмешка проникает в университет. Над «Московскими ведомостями» громко и без злости хохочут. Настроение хорошее и веселое. Понятно, отцы сумрачны и, как всегда, рассудительны. Сочувствия со стороны общества не заметно, да и не нужно — никто не требует. Пора бросить эти костыли благодушной опеки! Пора провести границу между практической мудростью и верой в широкие теории будущего. Пора сознать необходимость гибели, так как только при этом сознании возможно жить для далекого будущего,

раскрашивая и идеализируя гибнущих. Мало студентов, которые хорошо понимали бы всю важность настоящих событий, еще меньше найдете вы этих понимающих в обществе. А это только дает уверенность, радость и сознание своей непобедимости. Наступает время, когда жить становится наслаждение. Таков новый век.

Как бы иллюстрацией к мысли Лаврова о «гибнущих» явилось нашумевшее самоубийство в тюрьме студента-нижегородца Г. Ливена. Об этом Чехов узнал из письма Горького, который писал ему из Нижнего 23 апреля:

«Здесь публика возмущена смертью студента Ливена, который сжег себя в тюрьме. Я знал его, знаю его мать, старушку. Хоронили здесь этого Ливена с помпой и демонстративно, огромная толпа шла за гробом и пела всю дорогу» (М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 28, стр. 77) ³.

Как уже было упомянуто выше, Чехов с неослабевающим интересом следил за развитием студенческих волнений и имел возможность составить себе довольно полную и точную картину происходящих событий. Подтверждением этого служит и письмо Чехова к И. И. Орлову от 18 марта 1899 г. «Получаю много писем по поводу студенческой истории — от студентов, от взрослых; даже от Суворина три письма получил. И исключенные студенты ко мне приходили <...> Кое-какие письма покажу вам при свидании» (XVIII, 114) ⁴.

Следует обратить внимание на засвидетельствованный здесь самим писателем факт посещения его уволенными за участие в «беспорядках» студентами. Можно думать, что их рассказы о массовом исключении «неблагонадежных» студентов из разных университетов и других учебных заведений существенно дополняли то, что было ему известно из скудных газетных сообщений и из частных писем. А самое главное, в этих встречах Чехов мог наблюдать живых людей, представляющих передовую студенческую молодежь, мог непосредственно почувствовать их настроение, познакомиться с их мечтами и надеждами.

Существенным для нашей темы является вопрос не только о том, каковы были объем и формы доходившей до Чехова информации, но и о том, как же он сам расценивал эти события, на чьей стороне были его сочувствие и симпатия.

В самом раннем из дошедших до нас откликов Чехова на «студенческую историю» — в письме к И. И. Орлову от 22 февраля 1899 г. — сильнее всего звучит нота скептицизма: «Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры» (XVIII, 88). Несомненно, к этому же периоду надо отнести и сходные мысли Чехова, переданные в воспоминаниях С. Я. Елпатьевского: «В другой раз, по поводу беспорядков в Петербургском университете, в которых деятельное участие принимал мой сын, Чехов стал говорить, что эти бунтующие студенты завтра станут прокурорами по политическим делам, а когда я заметил, что в массе эти студенты, несомненно, будут больше подсудимыми, чем прокурорами, он пренебрежительно махнул рукой и не продолжал разговора» (С. Я. Е л п а т ь е в с к и й. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 304) ⁵.

Очевидно, Чехов в февральских событиях 1899 г., возникших по случайному поводу и весьма неопределенных по целям, не увидел глубокого общественного содержания, способного поколебать усвоенное им еще в печальной памяти восьмидесятые годы неверие «в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую» (XVIII, 89). Для Чехова на этом этапе еще остаются скрытыми глубинные процессы вызревания революционных элементов, происходившие в народных массах — крестьянских и пролетарских. И он еще продолжает исповедовать утопическую веру во всемогущество науки, культуры и в силу отдельных личностей, которым суждено будет изменить строй русской жизни. В том же письме к Орлову он отчетливо декларировал эту веру: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они

не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать спокойный характер и т. д. и т. д., — и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров*, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что» (XVIII, 89).

В студенческих волнениях 1899 г. Чехов увидел однако и другую сторону: ему было понятно, что затяжной характер и размеры этих событий были вызваны в значительной мере грубым и деспотическим поведением властей, безудержным произволом полиции, страхом самодержавия перед призраком революции. В уже цитированном письме к Орлову от 18 марта он писал: «По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущие, дали большого маху; они вели себя как турецкие паши с младотурками и софтами, и общественное мнение на сей раз весьма красноречиво доказало, что Россия, слава богу, уже не Турция» (XVIII, 114).

О том же Чехов писал Суворину 2 апреля 1899 г.: «В Харькове публика устраивает на вокзале проезжающим студентам овации; в Харькове же возбуждение по поводу дела Скитских⁶. Гоним природу в дверь, она влетит в окно; когда нет права свободно выражать свое мнение, тогда выражают его задорно, с раздражением и часто, с точки зрения государственной, в уродливой и возмутительной форме. Дайте свободу печати и свободу совести, и тогда наступит вождеденное спокойствие, которое, правда, продолжалось бы не особенно долго, но на наш век хватило бы» (XVIII, 127).

За месяц до этого, откликаясь в письме к Суворину на напечатанные в «Новом времени» его «Маленькие письма», вызвавшие сильное возмущение в обществе, Чехов осудил эти «Письма», исходя опять-таки из мысли о царящем в России произволе: «Получаются письма из Петербурга, настроение в пользу студентов. Ваши письма о беспорядках не удовлетворили, — это так и должно быть, потому что нельзя печатно судить о беспорядках, когда нельзя касаться фактической стороны дела. Государство запретило вам писать, оно запрещает говорить правду, это произвол, а вы с легкой душой по поводу этого произвола говорите о правах и прерогативах государства, — и это как-то не укладывается в сознании. Вы говорите о праве государства, но вы не стоите на точке зрения права. Права и справедливость для государства те же, что и для всякой юридической личности. Если государство неправильно отчуждает у меня кусок земли, то я подам в суд, а сей последний восстановит мое право; разве не должно быть то же самое, когда государство бьет меня нагайкой, разве я в случае насилия с его стороны не могу вопить о нарушенном праве?» (XVIII, 98) ⁷.

Чем дальше развивались события, тем больше нарастал в сознании Чехова внутренний протест против произвола и деспотизма правящих кругов. Это, в конце концов, стало определяющим мотивом в его оценке «студенческой истории». Подтверждение этого, выраженное одним художественным штрихом, мы находим в письме его к Суворину от 19 августа того же 1899 г. из Москвы: «Недавно я ходил в университет к ректору просить, чтобы приняли студента из другого округа; студенту отказали, и сам я был принят чрезвычайно нелюбезно. Приемная ректора и его кабинет и швейцар напомнили мне сыскное отделение. Я вышел с головной болью» (XVIII, 207). Таким своеобразным итогом заканчиваются имеющиеся в нашем распоряжении извлеченные из переписки Чехова материалы, относящиеся к событиям 1899 г.

3

29 июля 1899 г. царским правительством были опубликованы «Временные правила об отдаче студентов в солдаты за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных». Этой мерой самодержавие возвращалось к временам Николая I, рассчитывая угрозой солдатчины подавить студенческое движение и восстановить спокойствие в университетах. Но эти расчеты были опрокинуты жизнью в самом скором времени, при первом же применении «Временных правил».

* В контексте данного письма «гувернеров» означает: «губернаторов».

В течение лета и осени 1900 г. в различных университетах начался новый подъем студенческого движения. Первыми сигналами к этому явились арест участников общестуденческого съезда в Одессе (в июне 1900 г.) и события в Киевском университете в октябре—декабре того же года. По случайному поводу — студенчество было возмущено недостойным поведением в ресторане двух студентов-белоподкладчиков — киевские студенты организовывали сходки, привлекавшие все больше участников.

Запретительные меры против этих сходок и репрессии против некоторых их участников вызвали волнение среди студентов, требовавших уничтожения карцера и оставления в университете исключенных. Особенно бурная и многочисленная сходка состоялась 7 декабря, на ней присутствовало около 400 человек. На следующий же день министр народного просвещения телеграммой предложил попечителю Киевского учебного округа применить к участникам сходки 7 декабря «Временные правила». Это указание министра было выполнено специально созданным особым совещанием из представителей университетской администрации, жандармского управления и прокуратуры. 11 января 1901 г. было опубликовано правительственное сообщение о беспорядках в Киевском университете и об отдаче в солдаты ста восьмидесяти трех студентов. Вслед за тем в Петербурге были приговорены к солдатчине двадцать семь студентов.

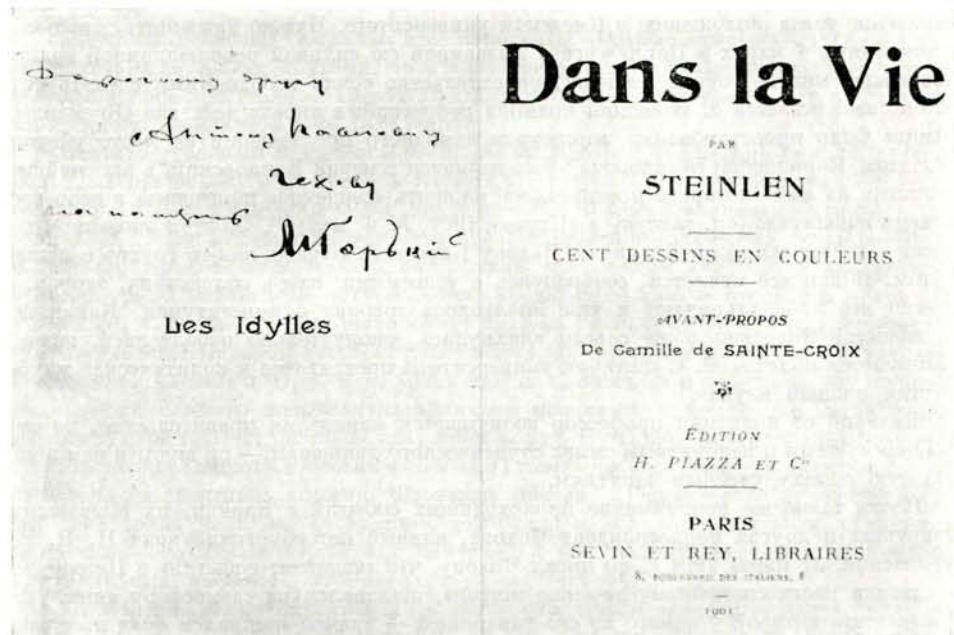
Студенчество ответило на это забастовками и крупными политическими демонстрациями (19 февраля и 4 марта в Петербурге, 11 марта в Киеве, 23—26 февраля в Москве, 19 февраля в Харькове)⁸. Новым для этого этапа студенческого движения было: заметное размежевание различных группировок внутри студенчества; выделение сильного революционного ядра, в котором руководящую роль играли социал-демократы; установление связей с рабочими массами и с местными организациями РСДРП; поддержка рабочими студенческой борьбы, совместное участие студентов и рабочих в демонстрациях. Широкое освещение фактов студенческого движения 1901 г. и последующих годов давала ленинская «Искра», начиная с первого номера. Серьезное политическое значение вновь начавшейся борьбе студентов придавал В. И. Ленин, в работах которого за 1901—1903 гг. имеется много откликов на студенческое движение, в том числе две статьи, целиком посвященные этой теме: «Отдача в солдаты 183-х студентов» (Сочинения, т. 4, стр. 388—393) и «Начало демонстраций» (там же, т. 5, стр. 295—298).

В первой из названных статей Ленин следующим образом оценивал расправу правительства со студентами: «Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственно достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 года» (там же, т. 4, стр. 391). Далее Ленин говорит о необходимости оказать широкую поддержку студентам: «И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации <...>. Студент шел на помощь рабочему — рабочий должен придти на помощь студенту» (там же, стр. 391—392).

Последующее развитие студенческой борьбы 1901 г. показало, как эти указания Ленина воплощались в жизнь и как само студенческое движение выходило за пределы требований академических свобод, выдвигая лозунги общеполитической борьбы с самодержавием. Подводя в декабре того же года некоторые итоги прошедшим событиям, указав на возобновившиеся демонстрации «в Нижнем, и в Москве, и в Харькове», Ленин писал: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский союзный совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева,

Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю „бесмысленность мечтаний“ об академической свободе при беспросветном рабстве народа» (там же, т. 5, стр. 296).

Эти ленинские оценки фактов студенческого движения 1901 и последующих годов помогут нам в дальнейшем правильнее понять характер тех сведений, которые получал Чехов от корреспондентов, в большинстве своем не принадлежавших к революционным кругам русского общества. Самые статьи Ленина и номера «Искры» с материалами о студенческом движении не попадали непосредственно в поле зрения Чехова. Но мы

КНИГА РИСУНКОВ СТЕЙНЛЕНА (PARIS, 1901),
ПОДАРЕННАЯ ГОРЬКИМ ЧЕХОВУ С НАДПИСЬЮ: «ДОРОГОМУ ДРУГУ АНТОНУ
ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ НА ПАМЯТЬ М. ГОРЬКИЙ»

Дом-музей Чехова, Ялта

имеем основание думать, что взгляды русской революционной социал-демократии на студенческое движение и на его связи с общереволюционным подъемом в стране в какой-то степени могли быть известными Чехову через посредство Горького, к оценке роли которого в этом вопросе мы обратимся несколько позже.

Первое за 1901 г. известие о студенческих делах мы находим в письме к Чехову академика Н. П. Кондакова от 2 января из Петербурга: «Вы спрашиваете, что здесь нового. Много и мало. Много пустого вздора, сутолоки, шума и мало толку. В университете 50 студентов исключено, хотя немногие совсем, на этот раз только за сходки. В Киеве исключено до 500 человек, в основании неприличный студенческий скандал на Крещатике. Затем сходки и пр. И теперь ожидают сходок и опять исключений. Когда этому конец, ты, господин, веси!»

Крупный византинист и знаток древнерусского искусства, Кондаков был, разумеется, чрезвычайно далек от политики, и потому, естественно, в его сообщении звучит брюзгливое раздражение непонятными для него происшествиями. Однако факты, им сообщенные, были достоверны: о киевских событиях, приведших вскоре к отдаче ста восьмидесяти трех человек в солдаты, мы уже упоминали выше; в Петербурге еще до того, как развернулись киевские события, было исключено из университета более

30 студентов, 12 других были подвергнуты «выговору с карцером» (см. «Красный архив», 1936, № 2, стр. 84).

Наибольшего напряжения события, вызванные сообщением 11 января о киевских студентах, достигли в конце февраля — начале марта. За это время среди писем к Чехову мы находим только одно короткое упоминание о студентах. 23 февраля профессор Киевского университета А. А. Коротнев, близкий знакомый Чехова по Ницце, в приписке к письму коротко сообщал: «Студенты затихли п, увь! эта типина есть выражение крайней апатии, не шумят, но и не учатся».

Два месяца спустя Коротнев в письме от 20 апреля 1901 г. еще раз вернулся к создавшемуся тогда положению в Киевском университете. Нужно напомнить, что после демонстрации 4 марта в Петербурге и вызванной ею сильной революционной волны, охватившей многие города империи, правительство сочло необходимым сделать вид, что оно отказывается от политики крайних репрессий: в апреле действие «Временных правил» было приостановлено, министром народного просвещения на место убитого студентом Карповичем Боголепова⁹ был назначен генерал Ванновский, в высочайшем рескрипте на имя которого предлагалось вложить «сердечное попечение» в дело воспитания юношества (см. заметку в «Искре», 1901, № 4, май)¹⁰. Об этом внезапном повороте в действиях властей и писал Чехову Коротнев: «Право, как-то гнусно и пошло кругом. И как все меняется, сообразуясь с условиями: вчера солдатчина, террор, а сегодня все либеральничает и уже вполголоса говорят о конституции. Какая все это гадость! Молодежь тоже совсем свихнулась, окончательно изболталась, почему и занимается политикой. С сентября университеты превратятся в политические клубы и тогда прощай наука».

Далекий от политики профессор возмущается маневрами правительства, но ему остается чуждым и непонятным смысл студенческого движения, — он видит в нем лишь досадную помеху учебным занятиям.

Почти такое же непонимание происходящих событий и причин, их вызвавших, обнаружил и другой корреспондент Чехова, видный петербургский врач Н. Н. Реформатский. 31 марта 1901 г. он писал Чехову, что «недавние события» в Петербурге «не давали места спокойному течению жизни», жаловался на «атмосферу тяжелую», в результате которой у одного из его товарищей — врачей «появился бред преследования», а у какой-то девицы, служащей в Думе, «при виде солдат, действующих нагайками», «был случай острого помешательства». Размышляя над причинами «всех недавних историй», этот гуманно настроенный врач приходил к выводу, что «раздражение молодежи создавалось искусственно, намеренно. Можно было бы иначе сделать, и не было бы печальных картин». И он возлагает надежды на то, что правительство действительно откажется от применения силы, чем и достигнет умиротворения. Заканчивая свое сообщение, он писал: «Теперь все в уповании, что Ванновский утихомирит дело студенческое, надеются на новый университетский устав, в котором будет изъято временное правило об отдаче в солдаты <...> Анрепа¹¹ и Мещанинова называют товарищем министра и их одобряют»¹². Заметим, что названный здесь Мещанинов, до этого занимавший должность начальника тюремного управления, был действительно назначен товарищем министра народного просвещения. По поводу этого «Искра» пронизировала, что помогать бравому генералу Ванновскому в проведении политики «сердечного попечения» будет бывший тюремщик.

Гораздо более содержательными и значительными были те письма, которые Чехов получал от людей, близких к революционным кругам, глубже понимавших смысл происходивших событий, непосредственных свидетелей или даже участников их. 4 марта произошла демонстрация у Казанского собора и массовое избивание ее участников полицией и казаками. 6 марта в газетах было напечатано официальное сообщение об этом. А уже 8 марта недавно познакомившийся с Чеховым через Горького редактор журнала «Жизнь» В. А. Поссе писал Чехову из Петербурга:

«Спешу ответить, глубокоуважаемый Антон Павлович, на ваше милое письмо. На душе так тревожно, мысли несутся в голове с такой лихорадочной быстротой, что трудно написать связное письмо. Серьезное теперь время, очень серьезное! Масса

сосредоточенного страдания. Горький здесь и страшно волнуется. Сегодня уезжает в Нижний. Театр отступил на задний план, но все же ваши „Три сестры“ смотрятся с захватывающим интересом.

Сквозь все волнения, надежды и опасения нередко прорывается нетерпение поскорее прочитать ваш рассказ, предназначенный для „Жизни“. Да, но о литературе говорить теперь трудно. Правительственному сообщению не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее». И дальше Поссе коротко упоминает о нескольких убитых студентах и об избиии ряда литераторов (Н. Ф. Анненского и др.). В заключение он обещает в другой раз написать о всех этих событиях подробнее — «теперь не в силах».

Обещанного письма Поссе так и не написал: в качестве лица, находящегося в связях с революционными кругами, он в числе ряда других «подозрительных» литераторов был вскоре арестован, — следующее письмо Чехову он послал 7 мая из дома предварительного заключения на Шпалерной.

Непосредственным свидетелем расправы на Казанской площади был В. Э. Мейерхольд, находившийся в то время в Петербурге с труппой Художественного театра на гастролях. По возвращении в Москву он написал Чехову взволнованное письмо (18 апреля 1901 г.), в котором выразил страстное стремление «пламенеть духом своего времени». «Я открыто возмущаюсь полицейским произволом, свидетелем которого был в Петербурге 4 марта, и не могу спокойно предаваться творчеству, когда кровь кипит и все зовет к борьбе <...> Да, театр может сыграть громадную роль в перестройке всего существующего! Недаром петербургская молодежь так старательно подчеркивала свое отношение к нашему театру. В то время как на площади и в церкви ее, эту молодежь, бессердечно, цинично колотили нагайками и палками, в театре она могла открыто выражать свой протест полицейскому произволу». И дальше Мейерхольд рассказывает ставший позднее широко известным по книге Станиславского эпизод о реакции зрительного зала на спектакль «Доктор Штокман» Ибсена. «Общественное движение последних дней приподняло мое настроение, возбудило во мне такие желания, о каких я и не мечтал», — заключает эту тираду Мейерхольд (см. полный текст этого письма выше, в публикации писем В. Э. Мейерхольда к Чехову)¹³.

Хотя в письме Мейерхольда и не могло отразиться ясное понимание складывавшейся в стране революционной ситуации, но покоряющая искренность овладевшего им порыва и сила охватившего его негодования превращали это письмо в документ большого значения, к которому Чехов не мог отнестись равнодушно. Чуткий художник и внимательный наблюдатель русской жизни должен был ощутить в нем нечто новое, необычное. К сожалению, письма Чехова к Мейерхольду остаются почти полностью неизвестными, и мы не знаем, что и как он ответил своему корреспонденту.

В число тех лиц, от которых Чехов получал информацию о мартовских событиях 1901 г., мы должны включить и двух близких ему людей — О. Л. Книппер и М. П. Чехову. В связи с гастролями Художественного театра Книппер в те трагические дни также находилась в Петербурге. Хотя по кругу своих интересов она была далека от проблем, которые волновали студенчество, и хотя в чужом для нее городе она не имела прочных связей (что не могло не ограничивать ее осведомленность), тем не менее в ряде ее писем к Чехову интересующая нас тема нашла свое отражение.

В письме от 2 марта она, очевидно, еще ничего не зная о готовящихся в Петербурге событиях, передает Чехову дошедшие до нее слухи из Москвы: «В Москве студенты мутят сильно, и я из дому ничего не получаю, начинаю беспокоиться» («Переписка Чехова и Книппер», т. 1, стр. 341). В день 4 марта Книппер с другими артистами театра была на писательском обеде. На другой день она пишет Чехову и, рассказав об обеде, продолжает:

«После 12-ти часов мы своей компанией поехали еще к Палкину пить чай и кофе и обсуждали все случившееся за день. Здесь страшные студенческие беспорядки, опять казаки, нагайки, убитые, раненные, озверелые, все, как быть должно. Эти мрачные события, конечно, омрачали и наше торжество. Настроение в обществе ужасное. В Москве тоже кровопролитие почище здешнего, говорят; жду завтра письма от Володи.

Хочется спать, милый, прошлую ночь не спала, прости, что только сухо описываю события. Расскажу все с своей окраской, ведь скоро увидимся, только в Ялту не поеду» (там же, стр. 347).

Книппер все же поехала в Ялту и пробыла там с 30 марта до 14 апреля. Нужно думать, что она сдержала свое обещание и подробно рассказывала «с своей окраской» о том, что же в действительности происходило в Петербурге. Прямым подтверждением этого служит ее письмо, посланное 19 апреля, после ее возвращения в Москву: «В театре без конца спрашивают о тебе, как ты смотришь на студенческие волнения, что ты думаешь о Ванновском, как смотришь на нашу поездку в Питер в будущем сезоне, etc.» (там же, стр. 385).

Не менее убедительными для Чехова были, конечно, и сведения, полученные от сестры. 8 марта Мария Павловна писала брату из Москвы: «В Москве творится что-то странное — студенты, рабоче, Толстой — странно ходить по улицам. Стало тише. Приеду — расскажу» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 176). Мы можем не сомневаться, что по приезде в Ялту она также рассказывала брату о московских событиях, развертывавшихся на ее глазах, и, кроме того, конечно, и о том, что произошло в Петербурге. Об этом она знала со слов Горького, проезжавшего через Москву на обратном пути из Петербурга в Нижний. 11 марта Мария Павловна сообщала Чехову: «Милый Антоша, сейчас я виделась с Горьким. Он ужасы рассказывает про Петербург. Он собирается тебе писать об этом» (там же, стр. 178).

На протяжении двух-трех дней в письмах, полученных Чеховым, дважды прозвучало в непосредственной связи с последними событиями имя Горького, — его называл сначала В. А. Поссе, а затем — сестра. Да, именно Горький мог рассказать ту правду, которая была ему так необходима, которую упорно замалчивали или искажали газеты, которой не понимали его знакомые из среды либеральной интеллигенции. Горький собирается писать ему, — об этом сообщает сестра, — надо поторопить его, напомнить ему о тягостном положении ялтинского «изгнанника». И 18 марта Чехов написал Горькому короткое письмо, в котором между сообщением о начавшейся в Крыму весне и приветами жене и Максимке мы находим завуалированные ради осторожности строки, смысл которых должен был быть понят адресатом: «Я слышал, что в Петербурге и потом в Москве вы были невеселы. Напишите же, в чем дело, я мало, почти ничего не знаю, как и подобает россиянину, проживающему в Татарии, но предчувствую очень многое. Итак, позвольте ждать от вас письма» (XIX, 64).

И Горький не замедлил с ответом: между 21 и 28 марта (письмо не имеет точной даты) он отправляет Чехову большое письмо, в котором страстный негодующий рассказ о петербургских событиях сопровождается их революционным истолкованием и предвидением неизбежных в будущем новых схваток с самодержавием.

«Я давно собирался написать вам, дорогой и любимый Антон Павлович, да теперь, видите ли, такое у меня настроение, что я решительно не могу сосредоточиться на чем-либо. Каждый день напряженно ждешь чего-нибудь нового, каждый день слышишь невероятные разговоры и сообщения, нервы все время туго натянуты, и каждый день видишь десяток, а то и больше, людей столь же возбужденных, как и сам ты. Вчера наш губернатор привез из Питера несколько точных известий: Вяземский выслан, против 43-х и 39-ти литераторов, подписавших письмо, осуждающее действия полиции 4 марта, предполагается возбудить дело о подстрекательстве к сопротивлению властям, в войсках гвардии сильное недовольство последними распоряжениями, а особенно участием отряда лейб-гвардии казаков в бою 4-го <...>

Вообще, надо сказать по совести, офицерство ведет себя очень добропорядочно. При допросе арестованных за 4-е число их спрашивали главным образом о том, какую роль в драке играл Вяземский и кто те два офицера, которые обнажили пашки в защиту публики и дрались с казаками. Одного из этих офицеров я видел в момент, когда он прорвался сквозь цепь жандармов. Он весь был облит кровью, а лицо у него было буквально изувечено нагайками. О другом очевидцы говорят, что он бил по башкам казаков обухом пашки и кричал: бейте их, они пьяные! они не имеют права бить нас, мы публика! Какой-то артиллерист-офицер на моих глазах сшиб жандарма с коня

ударом шашки (не обнаженной). Во все время свалки офицерство вытаскивало женщин из-под лошадей, вырывало арестованных из рук полиции и вообще держалось прекрасно. То же и в Москве, где офицеры почти извинялись перед публикой, загнанной в манеж, указывая на то, что они-де обязаны повиноваться распоряжениям полиции вследствие приказа командующего войсками, а не по воинскому уставу.

Роль Вяземского такова: в то время когда Н. Ф. Анненский бросился на защиту избиваемого Пешехонова, Вяземский тоже бросился за ним и закричал Клейгельсу, чтобы он прекратил это безобразие. А когда избитый Анненский подошел к нему

МОСКВА, СТАРОЕ ЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА
Фотография из альбома «Виды Москвы...» 1880-е гг.

Вяземский подвел его к Клейгельсу и наговорил последнему резкостей, громко упрекая в зверстве, превышении власти и т. д. Туган и Струве из тюрьмы выпущены. Арестованных из Питера высылают¹⁴. На Пасхе в Петербурге ждут новых беспорядков. Того же ожидают в Киеве, Екатеринославе, Харькове, Риге и Рязани, где публика, вкупе с высланными студентами, устроила уже скандал, во время молебна о здравии Победоносцева. У нас тоже возможны беспорядки. Здесь до 70 человек иногородних студентов, полуголодных, битых, возбужденных и возбуждающих публику. Очень прошу вас, дорогой Антон Павлович, пособирайте деньжат для голодающих студентов, ибо здесь источники иссякают. Теперь в Ялте съезд, собрать сотню другую, я думаю, можно. В Москве и Питере собрано много, туда посылать бесполезно.

⟨...⟩ Несмотря на репрессии и благодаря им — оппозиционное настроение сильно растет.

Следственное производство по делу о 4 марта установило точные цифры избитых: мужчин — 62, женщин — 34, убито — 4; технолог Стеллинг, медик Анненский, курсистка и старуха задавлены лошадьми. Полиции, жандармов и казаков ранено 54. Это за время минут 30—40, не больше! Судите же сами, какая горячая была схватка! Я во веки не забуду этой битвы! Дрались — дико, зверски, как та, так и другая

сторона. Женщин хватали за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курепстке набили спину, как подушку, досиня, другой проломили голову, еще одной — выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно, чья взяла <...>

Вообще у начальства хлопот много. Надеюсь — будет еще больше. Жизнь приняла характер напряженный, жуткий. Кажется, что где-то около тебя, в сумраке событий, притаился огромный черный зверь и ждет и соображает, кого пожрать. А студенты — милые люди, славные люди! Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть. Погибнут или победят — не важно, важна драка, ибо драка — жизнь. Хорошо живется!» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, стр. 157—159).

Нет никаких сомнений, что письмо Горького произвело на Чехова глубокое впечатление, вызвало какие-то ответные мысли, которыми он хотел бы поделиться с Горьким. Но в их дальнейшей переписке тема студенческого движения отсутствует — и по вполне понятным причинам. В ночь на 16 апреля Горький был арестован, его переписка строго контролировалась жандармами не только во время его пребывания в тюрьме, но и после освобождения. В немногих дошедших до нас письмах к Чехову Горький неоднократно предупреждает его об этом.

Об аресте Горького и о событиях в Нижнем, предшествовавших этому аресту, Чехов узнал из письма нижегородского врача Н. И. Долгополова от 7 мая 1901 г.: «Поводом к аресту, надо полагать, послужило распоряжение из Питера — как мера „предупредительная“ для устранения демонстрации 1 мая, с 17-го по 18-е были сильные аресты в Питере, Саратове, Нижнем и Москве. Местная же причина тоже, может быть, была толчком для взрыва арестов в Нижнем. Нужно вам сказать, в Нижнем 7 апреля было необычайное событие. С разрешения губернатора в зале Всесословного клуба была сходка студентов и местных общественных деятелей, приглашенных студентами. На этой сходке был Алексей Максимович — говорил речь. Цель этой сходки была такова: решали, устраивать ли демонстрацию 8-го, в годовщину смерти студента Ливена, покончившего жизнь самоубийством в тюрьме в Москве в 1899 г., — студент этот нижегородец, и его демонстративно похоронили в Нижнем. На сходке было решено демонстрацию не устраивать, а подать на имя министра народного просвещения петицию с определенными требованиями на счет освобождения киевских студентов от солдатчины и разбора дела о 4 марта. Петиция эта была редактирована по поручению собрания Алексеем Максимовичем. Вот эта местная причина».

В настоящее время материалы переписки Горького (см. Собр. соч., т. 28 и «Архив А. М. Горького», т. V. М., 1955) и архивных документов (см. статью А. Свободова «М. Горький и студенческое движение 1901 г.» — «Каторга и ссылка», № 35, 1927, стр. 68—77) дают достаточно полную картину того, насколько прочными и многообразными были связи Горького с революционным студенчеством, которое все решительнее становилось на путь общеполитической борьбы, далеко выходящей за пределы узкоакадемических требований. В то же время Горький был тесно связан с растущим революционным подъемом в рабочих массах.

Среди близких Чехову людей Горький был, пожалуй, единственным человеком, который ясно представлял себе перспективу неизбежного нарастания революционной борьбы, приобретавшей общенародное значение. И если в письмах он не мог касаться этих тем, то не приходится сомневаться, что во время свидания 26 мая 1901 г., когда Чехов с женой побывали у него в Нижнем по пути в Аксеново, они говорили и о том, что волновало и интересовало их обоих, — о надвигающейся буре революции. Можно думать, что Чехов воспользовался этой встречей также для того, чтобы исполнить просьбу Горького о денежной помощи пострадавшим от репрессий студентам. Как мы увидим ниже, Чехов не раз оказывал такую помощь студенческой революционной молодежи.

Следующая встреча Чехова с Горьким состоялась в Ялте в ноябре 1901 г. Она была не столь мимолетной, как предыдущая. Известно, что Горький остановился у Чехова и прожил у него с 12 по 19 ноября, после чего переселился в Олениз. Общение двух писателей не прекращалось вплоть до весны 1902 г. Горький приехал в Ялту обогащенный

новыми впечатлениями от развертывающегося в стране движения. Воспоминания о мартовских событиях и их последующем развитии не только не остыли в нем, но, наоборот, они с новой силой овладели им после прощальной демонстрации учащейся молодежи при его отъезде из Нижнего, после возмутительного поведения властей, не допустивших Горького в Москву, после демонстрации, устроенной харьковской учащейся молодежью в честь любимого писателя, преследуемого самодержавием.

О том, что произошло на Харьковском вокзале и как это потрясло Горького, мы можем судить по его письму к В. А. Поссе, написанному во второй половине ноября из Оленза:

«В Харькове мне предложили не выходить из вагона на вокзал. Я вышел. Вокзал — пуст. Полиции — куча. Пред вокзалом — большая толпа студентов и публики, полиция не пускает ее. Крик, шум, кого-то, говорят, арестовали. Поезд трогается. Час ночи, темно. И вдруг мы с Пятницким, стоя на площадке вагона, слышим над нами, во тьме, могучий, сочный такой, знаешь, боевой рев. Оказывается, что железный мост, перекинутый через станционный двор, весь усыпан публикой, она кричит, махает шапками — это было хорошо, дружище! Мост высоко над поездом, и крик был такой бурный, дружный, бодрый.

Все сие рассказывается тебе, товарищ, не ради возвеличения Горького в твоих глазах, а во свидетельство настроения, которым *все более* проникается лучшая часть русской публики» (Собр. соч., т. 28, стр. 197—198).

Нельзя себе представить, чтобы при встрече с Чеховым Горький умолчал о том, что так волновало его и что было так значительно для нового этапа в развитии русского общества. Косвенное подтверждение этому мы находим в одной из записей (от 29 ноября 1901 г.) неизданного дневника зятя Л. Н. Толстого М. С. Сухотина, которая свидетельствует о том, что в беседе с Толстым Горький подробно рассказывал о демонстрации 4 марта и о других фактах студенческого движения (выдержки из дневника Сухотина публикуются Л. Н. Кузиной в очередном томе «Литературного наследства», посвященном Толстому).

В длительном общении с Чеховым в этот период Горький выступал не в качестве беспристрастного информатора — он был, несомненно, и страстным истолкователем фактов, имевшим возможность обобщить их в широкую картину решительных изменений в русской жизни. В его беседах с Чеховым не могли не отразиться и те оценки современного этапа революционного движения, которые были характерны для русской революционной социал-демократии, — ведь Горький был внимательным читателем ленинской «Искры».

Все сказанное позволяет сделать вывод, что значительную роль в том сдвиге, который так единодушно отмечают мемуаристы в Чехове начала 1900-х годов, сыграл именно Горький, дружеским общением с ним как через письма, так и при личных встречах. Характерно, что сам Горький уже в ноябре 1901 г. подметил разительную перемену, происходящую в Чехове. В цитированном выше письме к В. А. Поссе из Оленза он следующим образом выразил свои наблюдения: «А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: „Чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного“. Полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом ежедневно будут драться на улицах и лет через десять — пятнадцать додерутся до конституции. Путь не быстрый, но единственно верный и прямой. Вообще, А. П. очень много говорит о конституции и ты, зная его, разумеется, поймешь, о чем это свидетельствует. Вообще — знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время...» (Собр. соч., т. 28, стр. 199).

Придавая большое значение общению Чехова с Горьким и влиянию последнего, мы не собираемся утверждать, что оно было единственным фактором, воздействовавшим на общественное сознание Чехова. Для полноты обзора имеющихся в нашем распоряжении материалов мы должны вернуться несколько назад, к лету 1901 г.

В Андреевском санатории, куда Чехов приехал после встречи с Горьким в Нижнем, он вскоре познакомился со студентом Киевского университета В. И. Киселевым, который находился на излечении в том же санатории. В 1940 г. были опубликованы воспоминания Киселева, в лице которого Чехов встретил тогда непосредственного

участника студенческого революционного движения: «До прибытия в санаторий я за политическую деятельность сидел в тюрьме, а затем был выслан из пределов рабочих пунктов и университетских городов. Обо всем этом я рассказывал Антону Павловичу. Он слушал меня внимательно.

— Но, ничего, Василий Иванович, уже веет теплом, уже заря свободы наступает, рассеется тьма, не будет у нас полицейских, появятся школы во всех уголках России. И не будет этих темных медвежьих уголков. Не будет попов, народ будет дышать свободно и выскажет свою волю. Вот чего я жду, и это будет!» («Орджоникидзева правда», Ворошиловск, 1940, № 162, от 14 июля). Разумеется, что, воспроизводя через сорок лет эту беседу, Киселев не мог в точности передать сказанные тогда Чеховым слова. Но в целом его воспоминания вполне правдоподобны.

Ряд корреспондентов Чехова на протяжении осени 1901 г. сообщал ему о примечательных фактах студенческого движения. 24 ноября постоянный корреспондент Чехова М. А. Членов писал ему: «Перехожу к московским новостям. В Москве был Ванновский и оставил дурное впечатление: теперь для всех ясно, что университетам нечего ждать. Он принял, правда, депутацию от студентов, но больше разговаривал с ней о том, какие надо носить галстуки, а не о реформах. В университете брожение».

Сообщенный здесь факт имел место в Москве 4 ноября. На него тогда же откликнулась «Искра», которая писала (1901, № 13, от 20 декабря): «Студенческое движение опять начинает принимать боевой характер. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. Ввиду этого ознакомление с ходом развития движения приобретает особую важность. Начнем с Москвы, где пресловутый генерал Ванновский лично ответил на студенческие требования <...> Брожение среди студенчества сильно возросло. А „лукавый царедворец“ еще подлил масла в огонь, когда (4-ноября) ответил категорическим отказом на требования, предъявленные ему депутацией студентов (в числе 21 студента, пришедших к Ванновскому в Лоскутную гостиницу) <...> Отказ министра и его наглые заявления о неверности „слухов“ (!), будто он весной что-то обещал, возмутили и самых мирных. На совет министра-лакея „успокоиться“ депутаты „ответили гробовым молчанием“ <...> В результате этих бесед получилась прокламация, в которой студенты призывают к более широкой борьбе уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за свободу политическую».

Знаменательный факт перерастания студенческого движения в общеполитическую борьбу и его сближения с борьбой рабочих масс нашел некоторое отражение и в кратком сообщении, полученном Чеховым из Москвы от Мейерхольда накануне нового, 1902 г.: «Новости: рабочие и студенты готовятся к выражению негодования по адресу Ванновского, обманувшего их ожидания».

4

1901 год в истории студенческого движения заканчивался явными предвестиями бовых бурных событий. Отказ правительства от политики уступок нашел свое выражение во «Временных правилах» Ванновского, опубликованных 22 декабря 1901 г. Требования студентов, предъявленные во многих высших учебных заведениях и включавшие такие пункты, как свобода сходов и собраний, отмена ограничений при приеме в университеты, возвращение студентов, исключенных по политическим мотивам, независимость университетов от действий полиции и т. д., были этими правилами полностью отклонены. Взамен этого новые «Временные правила» «разрешали только курсовые или факультетские собрания с количеством присутствующих не более 300 человек. Эти собрания должны были проходить только с разрешения начальства, по утвержденной последней программе и в присутствии профессора или лица из „административного персонала“, которым вменялось в обязанность „не ограничиваться одним наблюдением того, что происходит на собрании“» («История Московского университета», т. I, М., 1955, стр. 510).

Студенчество ответило на это усилением организованной борьбы и новой волной протестов. В январе 1902 г. состоялся Всероссийский студенческий съезд, который в сво-

ем манифесте, напечатанном в «Искре» (1902 г., № 18, от 10 марта), провозгласил, что «студенческое движение есть движение политическое», что «борьба за права студенчества неизбежно является борьбой против правительства». Съезд указал в этом манифесте на желательность тесной связи студенческих революционных организаций с местными комитетами РСДРП (там же). В конце января в Кieve студенты Политехнического института, а затем и университета вынесли решение о забастовке; в первых числах февраля волнения произошли в Петербурге, Москве, Харькове, Томске, Одессе, Риге и в других городах. Массовые сходки, уличные демонстрации с участием

Василию Ивановичу Киселеву

Киселеву

Антонъ Чеховъ.

на добрую память о нашем знакомстве в Андреевской санатории — от автора. Антон Чехов. Август 1901 г.

РАЗСКАЗЫ.

Август 1901 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901)

«Василию Ивановичу Киселеву на добрую память о нашем знакомстве в Андреевской санатории — от автора. Антон Чехов. Август 1901 г.»

Местонахождение книги неизвестно. Воспроизводится по фотографии из собрания Н. А. Роскиной, Москва

студентов и рабочих, столкновения с полицией были наиболее ярким выражением этой волны протеста.

В письмах корреспондентов Чехова многие из этих событий нашли свое отражение — в одних случаях краткое и весьма субъективное по освещению, в других — более полное, яркое и правдивое.

Отдельные упоминания о студенческих делах встречаются по-прежнему в письмах О. Л. Книппер. «Молодежь в Москве опять мутит из-за еврейского вопроса и печати», — писала она Чехову 31 октября 1901 г. («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 25). 6 февраля следующего года она коротко передает содержание своей беседы с Сувориным, только что приехавшим из Петербурга и навестившим ее: «... он говорил очень много о теперешнем смутном настроении, о студентах. Сегодня ему сообщили по телефону из Питера, а может и иначе, что Петербургский университет закрыт» (там же, стр. 310).

Еще до получения этого письма Чехов обращался к жене с просьбой извещать его о происходящих событиях: «Тут ходят разные слухи о Петербурге, о Москве. Смотри, если что случится, напиши» (10 февраля 1902 г. — XIX, 245). В февральских письмах Книппер отклика на эту просьбу нет. Но 4 марта, в день годовщины демонстрации на Казанской площади, Книппер в связи с гастролями театра приехала в Петербург. И в тот же день она сообщала Чехову о том, что ей пришлось увидеть и услышать: «Вот

я и в Питере, душик милый, родной мой! Самочувствие скверное. Вчера ходила как ошалелая от усталости и новизны обстановки. Ехала с вокзала и редела. На улицах шли большими партиями городовые и жандармы по всем направлениям и, как потом слышала, побоище было опять здоровое» («Переписка Чехова и Книппер», т. II, стр. 340).

29 декабря 1901 г. Куприн писал Чехову из Петербурга: «Говорят, что к 8 февраля готовятся среди молодежи беспорядки. Очень жаль, если все выйдет по-прошлогоднему. Кстати о университетских забастовках...» — и дальше он передает явно анекдотические слухи о якобы выставленных бастующими студентами в Томске требованиях о побрякках во время экзаменов, о предоставлении им лошадей, чтобы ездить на лекции, и т. п. (см. полный текст письма в публикации писем Куприна к Чехову). Обывательский душок, сквозивший в этом сообщении, был, вероятно, подмечен Чеховым, — к этому времени он уже слишком многое знал и понимал, чтобы поверить подобным анекдотам.

В последующие месяцы он получает ряд писем от других корреспондентов, и это дает ему возможность составить более полное представление о новых фактах студенческого движения, в частности о том, что происходило в Москве, — московские корреспонденты Чехова были особенно обстоятельны в своих письмах и не скупились на подробности описываемых событий. Но перед тем как перейти к обзору основной, московской группы писем, коротко остановимся на других, в которых идет речь о Петербурге и Киеве.

Здесь прежде всего надо указать на два письма Н. П. Кондакова. В первом из них, датированном 6 февраля, заслуживает внимания лишь краткое сообщение фактов, свидетельствовавших о широком распространении новой волны студенческих «беспорядков»: «Сегодня утром закрыли университет —, впрямь до новых распоряжений — после колональной <!> сходки, на которой 1600 вотировали забастовку против 200. В Киеве закрыт университет, и понятно: студенты выбили все стекла в здании. Там, в Риге, в Екатеринославе, много арестов». Как и в предыдущем году, почтенный ученый, встревоженный новыми нарушениями привычного уклада академической жизни, заканчивает свое сообщение воззванием к богу: «Какие меры последуют и что будет с университетами, ты, господи, веши!» — и наивным предположением, что влияние в правительстве «приверженцев крутых мер» будет недолгим: «Однако, по-моему, это перед началом столь же сильного движения либерального или даже радикального в самом правительстве». Студенческим делам посвящена также часть следующего письма Кондакова, от 18 марта: «...здесь новости день ото дня хуже и безотраднее. Решительно не знаешь, до чего мы дойдем скоро. Завтра ожидается манифестация, т. е. избиение. В университете всех вожakov 80—100 человек, но их не берут, почему? Между тем, аресты кругом, и конца этому не видно. В Москве изгнаны сотни, здесь хотят сделать то же, несмотря на просьбы профессоров и правления. Распространилось мнение, что оппозиция коренится в политехниках, и вот слухи, что в Петербурге даже не откроют институт. И пр. и пр.».

Кондаков был, несомненно, хорошо осведомлен — называемые им факты подтверждаются почти полностью: университет в Петербурге был действительно закрыт 6 февраля, тогда же произошло закрытие Киевского университета — оба эти факта были отмечены на страницах «Искры», в № 17 от 15 февраля; соответствовало действительности и сообщение об аресте сотен студентов в Москве (см. об этом ниже). Но точка зрения Кондакова, приписывавшего все волнения лишь влиянию немногих зловредных «вожakov», была совершенно ложной, — и это не мог не понимать Чехов, уже более глубоко понимавший причины непрекращающихся студенческих волнений. Отсюда и возникали его споры с Кондаковым, который «осуждал и власть и профессуру, но очень бранил и студентов», в то время как Чехов «защищал последних» (об этих спорах см. в настоящем томе воспоминания о Чехове И. Н. Альтшуллера).

Из писем Кондакова Чехов не мог составить ясного представления о положении дел в Петербурге. Столь же недостаточной была и полученная им информация из Киева — а киевские студенты продолжали идти в авангарде движения, и там разворачивались серьезные столкновения с властями. В письмах Коротнева 1902 г. мы находим лишь

короткое упоминание об одном из случаев обструкции, устроенной студентами какому-то профессору, не захотевшему считаться с решением студентов о забастовке и пытавшемся продолжать чтение лекций (письмо от 11 марта 1902 г.); рассказ о «драке» киевских студентов с полицией содержится также в несколько более позднем письме Л. А. Сулержицкого от 25 ноября 1903 г.¹⁶

Московские университетские дела должны были особо интересовать Чехова — по его давним и прочным связям с Московской и Московским университетом. Это подтверждается, в частности, запросом, который был им обращен к М. А. Членову в письме от 13 февраля 1902 г.: «Напишите мне, что нового в Москве, что происходит, о чем слышно, о чем мечтают» (XIX, 247). Вероятно, адресат не понял скрытого смысла этих вопросов, так как в его письмах 1902 г. мы не находим отклика на напумевшие февральские события в Московском университете. Нужный ответ Чехов нашел в письмах других своих корреспондентов-москвичей.

Еще 7 января знакомый врач В. В. Бурейко извещал его из Москвы: «В середине января в Москве ожидаются большие студенческие сходки, к которым уже идут подготовки». О накаленной до предела атмосфере в Москве свидетельствовало и письмо Н. В. Алтухова, сокурсника Чехова по университету, занимавшего теперь в университете должность прозектора. Дельный врач-анатом, автор ряда специальных статей, печатавшихся в медицинских журналах, Алтухов был человеком демократических убеждений, хотя и далеким от революционных идей. Постоянно общаясь по роду своей работы со студентами, он пользовался с их стороны уважением и любовью*.

28 января 1902 г. Алтухов писал Чехову: «Ну, как ваше здоровье? Хорошо ли вам в Ялте и работаете ли на досуге? Наша работа, как вам не безызвестно, каторжная: idem per idem. Теперь же, при „сердечном попечении“, это еще более чувствуется, — в лекционном зале вывешивается ежедневно по несколько прокламаций от революционного комитета, от исполнительного комитета соединенных землячеств и т. д. Говорится там, что наступила пора поднять движение, что комитет опирается на „сформированные кадры рабочих“ и пр. Можно подумать, что это так грозно и внушительно. И беда будет, если молодежь поверит на слово и начнет волноваться в ожидании „кадров рабочих“, которые ждут только сигнала из главной квартиры и штаба „Исполнительного комитета“. Почему-то ждут февраля и, кажется, 19 февраля».

Вопреки скептическим замечаниям автора письма сообщенные им факты свидетельствовали о многом: они подтверждали, что революционная часть студенчества действительно шла по пути сближения с рабочими и стремилась опереться на силу пролетариата. Это была та линия, которую намечала в своих обращениях к студенческому вопросу ленинская «Искра» (см. текст одной из прокламаций Исполнительного комитета соединенных землячеств Московского университета в «Искре», 1902 г., № 16 от 1 февраля; та же прокламация и ряд других воспроизведены в публикации «Студенческие волнения в 1901—1902 гг.» — «Красный архив», 1938, № 4-5, стр. 277—284). И ожидания студентов были вовсе не так наивны, как это казалось Алтухову: когда 9 февраля началась студенческая демонстрация и в дело вмешалась полиция, московские рабочие готовы были выступить, и только предпринятые властями заранее меры — оцепление большинства крупных московских фабрик и заводов — помешали этому. Дальнейший ход событий привел в Москве к ряду активных выступлений рабочих, о чем не без недоумения сообщал Чехову тот же Алтухов в следующем письме от 6 марта.

* Г. И. Россолимо в воспоминаниях приводит запись из своего дневника о встрече с Чеховым на похоронах Алтухова (он умер 16 декабря 1903 г.), которого проводжали в последний путь его многочисленные ученики: «Погребальное шествие подходило к воротам кладбища, а его конец терялся во мгlistой дали зимних сумерек; над головами толпы молодежи качался гроб; впереди несли венки, и первым — венок из свежих цветов от „учеников“; его высоко держали студент и курсистка с гордо поднятыми головами, с решительным хотя и грустным взором. Невольно вырвалось: „Какой простор!“ — „Вот они те, — сказал Чехов, — которые хоронят старое и, вместе с ним, вносят в царство смерти живые цветы и молодые надежды...“» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 586).

Письмо это было ответом на просьбу Чехова навести в канцелярии университета справку, числился ли там в последние годы студент-медик Гриневич (XIX, 251). Просьба эта была вызвана появлением в Ялте некоего Гриневича, который называл себя московским студентом и поведение которого дало повод подозревать его в шпионстве. Алтухов быстро и точно навел требуемую справку, о чем и сообщал Чехову в начале названного письма:

«Ваше поручение навести справки о существовании некоего студента пятого курса Гриневича исполнено в точности, похвальной даже с точки зрения полицейского сыска. В 1899—1900 г. имелся в Московском университете на четвертом курсе естественного факультета студент Гриневич Яков из потомственных почетных граждан Петербурга, окончивший Косперовскую гимназию. По окончании курса сей Гриневич получил место, на котором состоит и ныне. Что же касается медицинского факультета, то никакого Гриневича за последние десять лет на этом факультете не числилось. Администрация, или, вернее, инспекция, университета точно, однако, осведомлена, что на юге появился какой-то проходимец, ныне находящийся в Ялте, за которым числится уже много художеств, совершенных в других городах и весях России. Неизвестно, с какою целью эта личность выдает себя за студента пятого курса, и Гриневич ли он в действительности, сомнительно. Весьма возможно, что сей проходимец — служитель Синедрiona, а посему опасаться его должно! По моему мнению, и студентов следует поставить в известность, какого полета сия птица, не так ли?»

Последующие страницы этого большого письма почти полностью посвящены рассказу о революционных, в том числе о рабочих, выступлениях в Москве за истекший месяц, а также о событиях 9—10 февраля в университете:

«Теперь у всех на языке Москва, студенческие волнения, разграбление квартиры одного из приват-доцентов, учиненное якобы студентами, изгнание четырехсот двух студентов дедушкой Ванновским навсегда из университета, паломничество рабочих (по данным полиции, пятьдесят тысяч, для точности нужно разделить эту цифру на пять—шесть) к памятнику Александру II, возложение венков, кидание в воздух „чепчиков“ (19 февраля), а затем забастовка студентов и, наконец, бунт рабочих на Даниловской мануфактуре Мешерякова (1 и 2 марта), где шесть тысяч рабочих разрушили все вдребезги, пряжу, ткани, материю и весь товар свезли на Москву-реку, где и свалили все это в прорубь. Странная российская логика — 19-го числа кричат „ура“ и шапки бросают в воздух, а через полмесяца после того разрушить до основания фабрику и где? — в православной Москве! Студенты последнее время начали ходить на лекции и на практические занятия, так что, нужно думать, забастовка окончилась. Сильно поределли их ряды: все, что было лучшего и дельного, — забрано. В общем, считая арестованных на улицах, на квартирах, на сходке, забрано больше полутора тысяч, масса студентов взяли отпуска и поехали по домам. Словом — неблагополучно. Пятьсот восемнадцать человек, арестованные в актовом зале в ночь с 9 на 10 февраля (402 студента + 66 девиц + воспитанники) других высших учебных заведений), погибли было от голода и жажды, так как полиция никого не пропускала, даже из числа живущих, на улицу за хлебом и провизией. К счастью для них, актовый зал сообщался с моей квартирой, студенты прибегали ко мне, я отдал им все съестное до последней крошки, поставил около девяноста самоваров. В настоящее время некоторые из честных интеллигентов подают Ванновскому прошение о смягчении участи этих quasi-заговорщиков и, в противовес полицейским сведениям о разграблении квартиры Чистякова, указывают, с моего согласия, на то обстоятельство, что студенты у меня в квартире вели себя вполне корректно. Хорош тоже и Чистяков, заявивший, что после студентов у него пропала шуба, шитые серебром туфли и много белья, и получивший от университета в возмещение убытков и протерей семьдесят пять рублей. Когда студенты послали к нему делегатов, чтобы он подтвердил им факт разграбления квартиры студентами, сей фронт все это свалил на полицию. Не думаю, чтобы ему все это даром прошло! Этак и я мог бы просить от университета пособия за то, что я уступил, конечно, даром студентам все съестное, весь обед и т. п. Нет спора, что Чистяков поступил гнусно, и теперь, понятное дело, он не знает, как вывернуться: полиции говорит одно, студентам — другое! Курьезнее всего то, что оставшиеся на сходке студенты решили ночевать в актовом

зале и ждать наутро с фабрик рабочих, которые, по их соображениям, должны были бы освободить студентов и во главе с ними двинуться с манифестациями по улицам. Но надеждам студентов не дали осуществиться — ночью, в три часа, казаки с берданками и нагайками взломали двери, вошли в помещение, занимаемое студентами, и без всякого сопротивления их всех забрали. Никого не били, кроме лишь одного студента, который, пока их вели в манеж, зычно пел „дубинушку“, „марсельезу“, — его, правда, избили в кровь! Многие можно было бы еще написать, но... Эти знаки вам известны?»

К сожалению, в письме Алтухова, не только сочувствовавшего, но и помогавшего осажденным студентам, не были изложены требования, во имя которых собирались демонстрировать рука об руку с рабочими собравшиеся в актовом зале на сходку студенты. Эти требования были выражены в принятой на сходке резолюции: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского беспорядка, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью публичных прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не двинется ни на шаг вперед, что лучшие будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтание на одном месте не прекратится. Мы требуем: 1) неприкосновенности личности, 2) свободы печати, 3) свободы совести, 4) свободы собраний и организаций, 5) непосредственной ответственности административных лиц, 6) общедоступности образования, 7) допущения женщин в университет, 8) уравнения прав национальностей. Вместе с рабочими мы требуем: 9) восьмичасового рабочего дня и 10) права стачек.

Не признавая настоящее правительство способным к реорганизации общественно-го строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созыва Учредительного собрания. Общеполитическая программа заставляет нас вынести наш протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих обществ готовы силой поддерживать наши требования» («Красный архив», 1938, № 4-5, стр. 279).

Остается гадательным, узнал ли Чехов о содержании этих требований, — во всяком случае они могли дойти до него либо через Горького, либо через студентов, с которыми общался Чехов в Ялте и среди которых было немало причастных к «беспорядкам» и исключенных из университетов за это. И уже твердо можно сказать, что о судьбе арестованных студентов — содержание их в Бутырьках, объявленная ими голодовка, последующий приговор (ссылка в Восточную Сибирь — для одних, тюрьма, с отправкой на крайний Север, в Архангельск, — для других) — обо всем этом он был достаточно осведомлен, причем на этот раз информация исходила из самих студенческих кругов или от лиц, к ним очень близких¹⁷.

Почти одновременно с цитированным только что письмом Алтухова Чехов получил из Москвы письмо от студента четвертого курса естественного отделения физико-математического факультета Петра Андреевича Базилиевича, который обратился к писателю от имени группы студентов, озабоченных оказанием помощи товарищам, отправляемым в ссылку и тюрьму. Вот текст этого примечательного письма:

«Москва, 5 марта 1902. Многоуважаемый Антон Павлович! Вам, вероятно, известно, что почти уже месяц в Московской Бутырской тюрьме сидят около восьмисот человек студентов и курсисток высших учебных заведений г. Москвы, до четырехсот человек сидит при частях и других тюрьмах нашей столицы. Четыреста два человека уже официально исключены из университета без права поступления в высшие учебные заведения, а также с воспрещением педагогической деятельности. Но этого мало! Очень и очень многим из исключенных предстоит ссылка в более или менее отдаленные места Азиатской или Европейской России. Официально это еще не известно, но в этом никто не сомневается.

Терпят сильный недостаток в деньгах уже теперь в тюрьме (говорят, у курсисток от дурной пищи появилась цинга), можете себе представить, в каком положении очутится большая часть арестованных, если их выпустят.

Нам, оставшимся на работе товарищам, удалось собрать небольшие средства для временной помощи пострадавшим, теперь же, ввиду возможной скорой высылки, хотелось бы дать беднейшей части арестованных хоть понемногу денег на первое время ссылки. Однако собранных сумм не хватает даже для помощи теперь, а о дальнейшей нельзя даже и думать. По возникшей среди нас мысли, мы решили обратиться к некоторым артистам и писателям, не найдут ли и они, с своей стороны, возможным помочь пострадавшим теми или иными находящимися в их распоряжении способами. Осмелимся обратиться с таковой же просьбой и к вам, многоуважаемый Антон Павлович.

Предлагая вам мысль, мы будем одинаково благодарны, если вы захотите помочь и через другое лицо, более вам известное, чем пишущий эти строки. Студент Московского университета П. Б а з и л е в и ч. Адрес: Патриаршие пруды, дом Дедушкина, кв. 17, Петру Андреевичу Базилевичу, г. Москва».

Чехов не замедлил откликнуться на просьбу студентов. Его ответ Базилевичу не дошел до нас, но самый факт ответа и оказанной им помощи ссылаемым студентам подтверждается вторым письмом Базилевича: «Москва, 21 марта 1902. Многоуважаемый Антон Павлович! Спешу вам выразить благодарность за ваш ответ на мое письмо и просьбу. Вчера я все получил, еще раз благодарю. Вчера же все передано по назначению, так как последняя партия в тридцать два человека отправлена в Иркутск сегодня рано утром. Искренне уважающий вас П. Б а з и л е в и ч».

Можно не сомневаться, что эта денежная помощь, оказанная Чеховым, была для него самого не простым актом благотворительности, а выражением глубокого сочувствия лучшей части русской демократической молодежи, выступившей на борьбу за свободу и ставшей жертвой самодержавного деспотизма. И студенты оценили и надолго запомнили благородный поступок писателя. Об этом, в частности, свидетельствует более позднее письмо московского студента Ярослава Владимировича Сорнева, который обратился к Чехову 26 февраля 1904 г. с аналогичной просьбой:

«Многоуважаемый Антон Павлович! В один из тяжких моментов, весной 1902 г., мои товарищи — студенты Московского университета — обратились к вам за помощью, и вы тогда своим взносом поддержали очень многих, остававшихся без всяких средств. Тяжелое время переживается и теперь. Нуждаются весьма многие. Поэтому обращаюсь к вам с усиленной просьбой: помогите!

Личность моя может быть удостоверена кем-либо из ваших московских друзей. То же лицо получит сведения о распределении пожертвованных средств. Прошу адресовать: Москва, Долгоруковская, дом 16, кв. 15, Е. И. Орловой, для С. С уважением студент Ярослав Владимирович С о р н е в »¹⁸.

Последнее из обнаруженных нами в архиве Чехова писем, связанных со студенческим движением, также содержит просьбу о помощи жертвам деспотизма. Но содержание этого письма в целом выходит далеко за пределы этой частной темы. Безвестная русская женщина, Ольга Николаевна Покотилова, взволнована до глубины души не только судьбой своего названного сына-студента, сосланного в Восточную Сибирь: сердце ее полно тревоги за всех юных и смелых, поднявшихся на борьбу за освобождение народа. Не юношеская запальчивость и безрассудство, а глубоко осознанное понимание невозможности дальнейшего рабского существования, неизбежности новых выступлений и новых схваток с дикой силой самодержавия отражается в ее письме. И если проект организации через ее посредство широкой общественной помощи ссыльным юношам и девушкам был, возможно, несколько утопичен, то самая идея такой помощи рисует автора письма человеком, у которого жизненный опыт не отнял силы и смелости души, готовности идти на самопожертвование во имя благородной идеи помощи борцам за свободу. Приводим полный текст этого замечательного письма:

«27 марта. Москва, Малая Бронная, дом Гирш, № 84. Ольга Николаевна Покотилова *.

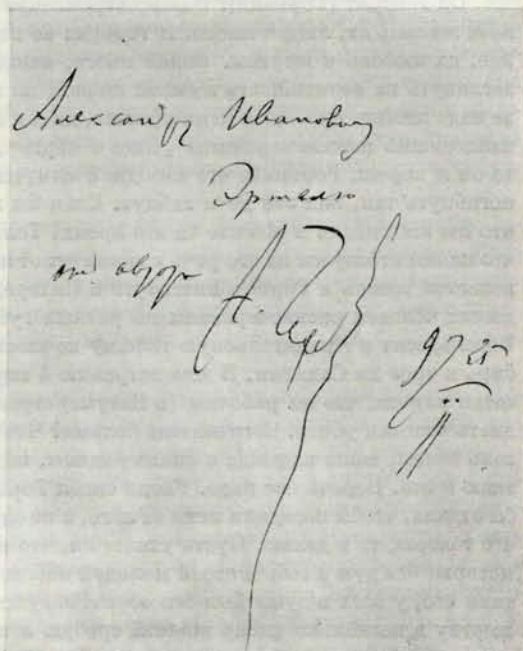
Уважаемый Антон Павлович. М. М. (!) Дроздова была так добра, что взялась передать это письмо вам. Последние события, вероятно, не безызвестны вам как писате-

* Сверху, карандашом, рукою Чехова поставлен год: 1902.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА
НА СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ»
(СПб., 1896):

«Александр Ивановичу Эртелю
от автора. А. Чехов. 97 25/11»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Александр Иванович
Эртель
А. Чехов

лю, следящему за жизнью своей родины, загнали моего сына, мальчика 22-х лет, в Восточную Сибирь на три года. Три жизни подрезаны — моего мальчика, моя и его невесты. Оставить его там одного, без помощи и любви я не могу. Угнали его (как и многих) без вещей и без свидания прощального с нами, так как я прав на него законных не имею, я не родная его мать, а только мать его невесты, которую любит он три года. Близких людей у него нет никого, кроме нас, есть отец, акцизный ревизор, человек совсем не подходящий к нему, и мачеха, которая, я думаю, рада от него избавиться, так как имеет своих детей и женщина дрянная и жестокая, так что отсюда помощи ему ждать нечего. Я имею маленькую землишку, которую хочу заложить за 2000 рублей. Об ней после. Надо сделать это скорей и ехать к нему. Живу я среди молодежи, знакомых у меня нет денежных — нет никого, кроме товарищей моего сына и дочерей, которые не могут помочь мне в этом деле. Буду ходить ко всем, про кого ходят слухи, что он добрый человек; но трудно верится, чтобы только добрый человек помог мне, для этого надо быть не только добрым, но и глубоко чувствующим и понимающим и жизнь, и последнее движение среди учащейся молодежи. Стоит помочь тем людям, что, не задумываясь ни на минуту, несут свои молодые, жаждущие жизни и счастья головы под пагайки и штыки казаков и жандармов. Стоит помочь детям, учащим своих родителей-трусов, как надо бороться за жизнь и счастье униженных и угнетенных. Нам, старшим, стыдно смотреть на это воинство малолетних, лучших сил страны, не задающих себе даже вопроса: а ведь, может быть, если откажемся от того, что требовали, и будет облегчена участь. Из шестисот с лишком человек только двадцать три подали заявление, что они готовы дать показание. Остальные все поголовно отказались от допроса, и девяносто четыре пошли в Восточную Сибирь, а более пятисот в Архангельскую тюрьму. Как жили они в Бутырьках, как морили себя голодом, желая ускорения приговора и протестуя против дурного обращения с девушками, к которым приставили часовых, подсматривающих, как они раздевались, и отпускали милые шуточки по этому поводу, вам, верно, уже известно. Я была в тюрьме раньше, когда не пошли страшные строгости, и видела моего мальчика, который после трех суток голодовки еле держался на ногах, а других многих водили под руки. Барышни выдержали шестисуточную голодовку. Не давши оправиться, детей отправили в Сибирь и многих без вещей. Там было наших очень много. Это дело для меня кровное, и я все знаю о пребывании их в тюрьме.

Он говорит (Горький): Важно стремление к истине, не надо останавливать их, *не надо жалеть их*, людей много. Я говорю: не надо останавливать их, важно их стремление, их любовь и жертвы, людей много, каждое такое движение поднимает дух, дает заглянуть на возможность лучшей жизни, но я, старая женщина, время гордых слов: не надо жалеть их, — для меня прошло, да я и ни одной минуты не верила ему, человек, написавший первые страницы „Еще о чёрте“, сам себя обманывает, говоря так. Тем-то он и хорош, Горький, что ни одной минуты не сомневался, что он может, жалея, погибнуть так, как эти дети гибнут. Если бы мне только увидеть его, рассказать ему, что мы все видели в Москве за это время! Только он, Горький, может это описать, так что камни отзовутся на его речь и заплачут от жалости к этим погибающим жизням. Что делается теперь в Горном институте в Питере, вы, верно, знаете, скажу коротко, что двести человек раскассированы по разным губерниям, кто на один, два <года> и т. д. Восемьдесят в Архангельскую тюрьму на шесть месяцев, двенадцать в Восточную Сибирь и трое на Сахалин. В демонстрацию 4 марта избивали (не до смерти, а калечили) сотни народа, что по рабочим (в Батуме) стреляли, по официальным сведениям тринадцать человек убито. Чего же еще больше? Что сказать вам еще, чтобы вы, все вы, наша соль земли, наша надежда и слава родины, поднялись, помогли? Руки связаны у вас, знаю я это. Беречь вас надо. Когда сидел Горький в Нижнем в тюрьме, больной, я все бы отдала, чтобы посадили меня за него, и не одна я, нас много. Слов я не умею говорить, что говорю, то и делаю. Пусть узнает он, что все те дети, потому что они дети по летам, которые без дум о себе и своей молодой жизни шли и подставляли свои головы, все читали его, у всех в душе был его образ, зовущий на борьбу и жертву. За эту огромную жертву в несколько тысяч жизней требую я помощи, жалости. Живите для громадного дела будущего, берегите себя, вы нужны и полезны как мстители за погибающих, но жалейте этих гибнущих, этого мы можем требовать от вас всячески: и материальной помощью, и защитой в печати.

Я не желаю пользоваться общественными средствами и могу этого не желать. Я имею землишку, 64 десятины, со стройкой, страхуемой в 1200 рублей. Я ни одной копейки не прошу даром, все окупится моей землей, но и для этого дела надо просить и молить, надо мне скорей кончить, получить деньги и уехать. Сделайте мне это, и вы спасете не только меня и мою семью, но дадите помощь сибирякам. У меня в Сибири будет фонд, вся помощь, корреспонденция пойдет через мои руки. Только одна женщина едет в Сибирь со своим мужем и его братом, сосланными на четыре года, но она носит фамилию сосланного, и у нее руки связаны, на нее нельзя будет возложить помощь. Я пошу фамилию неприкосновенную к делу, и поэтому все для них могу и хочу сделать. Прочтите это письмо Горькому (я не знаю его адреса, да ведь это все равно, это письмо всем хорошим людям пишется) и Андрееву. Скажите Андрееву, что я хорошо знаю Водикова, его однокашника; думаю, что не может к нему относиться без уважения. Отвечайте мне скорей, скорей. Время дорого, наши едут на нужду и страдания, а меня нет с ними. Уважающая вас Ольга Покотилова.

P.S. Если бы я смела послать вам список лиц, пострадавших за 9 и 14 февраля, я бы послала вам, и если вам нужен он, я пришлю. Прошу вас передать это письмо Горькому и Андрееву, говорят, что они тоже в Ялте.

Фактическая достоверность и точность письма Покотиловой не подлежит сомнению: в неоднократно использованной уже нами публикации в «Красном архиве» напечатаны документы, подтверждающие сообщаемые ею факты о положении арестованных студентов в Бутырьках, об объявленной ими голодовке и т. д. (1938, № 4-5, стр. 283—284). Таким образом, и с точки зрения информационной содержательности оно является одним из наиболее значительных в рассмотренной нами серии писем. В связи с этим представляется необходимым остановиться здесь на характеристике личности Покотиловой и коротко рассказать о ее дальнейшей судьбе.

О. Н. Покотилова по рождению принадлежала к одной из многочисленных ветвей рода Толстых; ее отец, Николай Николаевич Толстой, владел небольшим имением где-то за Волгой. Она, по-видимому, рано порвала с семьей и вообще с дворянским кругом. Выйдя замуж за некоего Покотилова, она вскоре разошлась с ним, как можно думать, на почве идейной розни. К началу 1900-х годов она жила в Москве, воспитывая трех

дочерей. Она снимала довольно большую квартиру на Малой Бронной улице, — как известно, это был район старой Москвы, где селилась по преимуществу студенческая молодежь. Сама она с дочерьми занимала меньшую часть квартиры, а остальные комнаты сдавала студентам, что и давало ей средства к существованию. Среди ее молодых жильцов в 1900—1902 гг. находился и студент физико-математического, а затем историко-филологического факультета В. П. Волгин, ныне действительный член Академии наук СССР, который любезно поделился с автором настоящей статьи своими воспоминаниями об О. Н. Покотиловой.

В квартире Покотиловой было всегда шумно и людно, у ее жильцов постоянно собиралась студенческая молодежь, звучали песни, велись беседы, горячие споры. Сама Покотилова, живя среди молодежи, принимала близко к сердцу ее интересы, разделяла их надежды и стремления. Не будучи связанной с революционной деятельностью, она во многом сочувствовала революционным воззрениям, которые все более овладевали умами передового студенчества.

Тот план помощи сосланным в Восточную Сибирь студентам, который намечала Покотилова в письме к Чехову, не был пустой фразой. Она сумела хотя бы частично осуществить его. Собрав некоторую сумму денег (по-видимому, ей удалось заложить имение недалеко от Брянска, которым она владела), она приехала в том же 1902 г. в Нижнеудинский уезд Иркутской губернии, где вместе с многими товарищами отбывал ссылку ее названный сын. Поселившись там, она оказывала посильную материальную помощь ссыльным юношам и старалась облегчить их судьбу своей материнской заботой и вниманием. И что самое примечательное, она привезла с собой целую библиотеку, включившую книги по разным отраслям знания, которыми широко пользовались сосланные. Книги эти она перед отъездом собрала путем обращения к ряду профессоров и ученых.

В 1903 г. высланным в Сибирь за участие в студенческом движении юношам было разрешено проживание в Европейской части России за исключением университетских городов и фабричных районов. Вследствие этого дальнейшее пребывание Покотиловой в Сибири оказывалось ненужным, и она решила покинуть ее. Во время долгой и утомительной дороги она простудилась, тяжело заболела и вскоре, летом того же 1903 г., умерла. Такова была судьба этой самоотверженной русской женщины.

В письме Покотиловой нельзя не обратить внимания еще на одну деталь. Адресованное и пересланное с надежной оказией Чехову, оно было обращено одновременно и к Горькому. Это объединение обоих писателей, от которых надо ждать и требовать не только материальной помощи, но и защиты в печати, вряд ли отражало одни лишь личные взгляды автора письма. Надо думать, что в сознании революционной части русской интеллигенции к началу 1900-х годов уже созрело и достаточно распространилось представление о том, что не только Горький, но и Чехов близок их стремлениям и надеждам. Позволим себе в подтверждение этого сослаться на выразительный пример, взятый из биографии одного из замечательных русских революционеров-марксистов, рано скончавшегося Александра Гусева (1880—1903). В марте 1900 г. он писал близкому другу из Твери, где он вел революционную работу: «Пришлите вашу карточку Горького, только хорошую — чтобы переснять, непременно, я вас очень прошу. Если можете, пришлите и Чехова» (Н. Гусев - А р х и п о в а. Александр Иванович Гусев. — «Каторга и ссылка», 1928, № 45-46, стр. 213).

* * *

К сожалению, мы располагаем далеко не всеми ответными письмами Чехова его корреспондентам, сообщавшим ему новости о студенческом движении и делившимися с ним своими мыслями о происходящих в русской жизни переменах. Несохранились письма Чехова к Коротеву, Сорневу, Бурейко и ряду других. В тех же случаях, когда мы располагаем письмами Чехова (к Орлову, Алтухову, Кондакову и др.), они далеко не всегда — особенно это относится к письмам 1901—1902 гг. — содержат отклики на интересующую нас тему. Было бы неверно объяснять это равнодушием Чехова к политической жизни страны — приведенные нами в статье материалы достаточно убедительно свидетельствуют о глубокой заинтересованности писателя растущим револю-

ционным движением и другими событиями, предвещавшими, в его глазах, коренное обновление русской жизни. Правильнее было бы объяснить молчание Чехова его осторожностью, нежеланием навлечь на своих корреспондентов неприятности. Напомним в этой связи характерное место из письма Чехова к Миролубову от 17 декабря 1901 г.: «Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более что письма теперь читаются, главным образом, не теми, кому они адресуются...» (XIX, 195). О том, что эти опасения Чехова не были лишены основания, говорит, например, факт перлюстрации письма к нему Мейерхольда от 18 апреля 1901 г. (см. выше, стр. 427).

Но, несмотря на известную в этом смысле неполноту собранных нами в настоящей статье материалов, они представляют значительный интерес для изучения Чехова. Они позволяют конкретно понять, какими путями и в каком объеме притекали к писателю с разных сторон сведения об общественной и политической жизни страны, как этот поток размывал и разрушал казалось бы прочно усвоенное Чеховым отвращение к «политике», его отчужденность от дела освободительной борьбы. Тем самым давно уже принятый советским литературоведением тезис о решительном повороте в сознании Чехова в последние годы его жизни получает дополнительное обоснование и подкрепление.

Как преломились бы в творчестве писателя новые черты русской жизни накануне первой революции, мы не знаем — смерть оборвала его жизнь на пороге того нового, в приход которого с такой светлой и непреклонной убежденностью он верил. Мы не знаем, подошел ли бы Чехов в своих последующих произведениях к теме революционного подвига, героической жертвы, к теме борьбы за свободу. Но и те отдельные мотивы предчувствия надвигающейся бури, порыва к чему-то новому, светлому, страстного желания «перевернуть жизнь», которые нашли свое выражение в произведениях писателя последних лет («Три сестры», «Невеста», «Вишневый сад»), имеют для понимания творчества Чехова огромное значение. Думается, что собранные нами материалы во многом помогут глубже понять ту реальную почву, из которой вырастали эти мотивы, понять те явления действительности, которые помогали внимательному и зоркому наблюдателю жизни создать образы Саши и Нади в «Невесте» или Ани и студента Трофимова в «Вишневом саде». Связь последнего образа с нашей темой выступает, пожалуй, особенно наглядно и выразительно. Вспомним, как Чехов в письме к жене комментировал для артистов и режиссеров Художественного театра этот образ: «Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?» (XX, 158). И если революционное начало в образе Трофимова оказалось, по необходимости, скрытым, то все же именно в его уста Чехов вложил полные надежды и веры в прекрасное и уже близкое будущее слова: «Здравствуй, новая жизнь!..».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Этой теме посвятил несколько страниц Ю. В. Соболев в книге «Чехов», М., 1934 (глава «Рост общественного и политического сознания», стр. 245—249). Упоминание о «серьезных волнениях среди студенчества» в 1899 г., автор отмечает осведомленность Чехова, который «был в курсе всех событий».

² Самоудержание не впервые применяло подобные методы: аналогичные меры были приняты Александром II во время студенческих волнений 1861 г.

Приведем некоторые данные об отражении в русской печати 1899 г. правительственных репрессий против студенчества. В «Сыне отечества» (№ 70, от 14 марта), в «Известиях из Томска» сообщено о закрытии Томского университета с 4 марта; в «Русских ведомостях» (№ 90, от 1 апреля) напечатано объявление рижского Политехнического института об увольнении всех студентов; там же (№ 93, от 4 апреля) помещено объявление киевского, подольского и волынского генерал-губернатора о воспрепятствии уличных демонстраций и об увольнении всех студентов первых трех курсов Новороссийского университета, а также о приостановке занятий в высших учебных заведениях Харькова — в университете, технологическом и ветеринарном институтах; там же (№ 96, от 7 апреля) напечатано объявление ректора Киевского университета о прекращении занятий на последних курсах.

³ История трагической гибели Ливена нашла отклик и в одном из зарубежных русских изданий, где она была изложена следующим образом: «Он <Г. Ливен> сидел в Бутырской пересыльной тюрьме с 14 февраля в одиночном заключении, и за все время заточения к нему никого не допускали. Мать его напрасно добивалась свидания с сыном. Ей дали разрешение на свидание лишь 6 апреля, но было уже поздно. При-

шедший в отчаяние юноша покончил с собою единственным доступным ему способом: он обдил себя керосином из лампы и поджег затем себя; через два дня он умер в тюремной больнице от тяжелых ожогов, и матери досталось увидеть лишь обгорелый труп сына» (Г. М. Л и б а н о в. Студенческое движение 1899 г. С документальными приложениями. Лондон, 1901, стр. 76).

Студенческим волнениям 1899 г. были посвящены и другие брошюры, изданные за пределами России: «Студенческое движение 1899 года». Сборник под ред. А. и В. Чертковых. Изд. «Свободное слово». Purleigh, England, 1900; В. М. Г р и б о в с к и й. К истории студенческого движения 1899 года. Берлин, 1901. За указание на эти брошюры автор выражает благодарность А. В. Храбровицкому.

⁴ Из этих слов Чехова («Получаю много писем») следует, что не все письма о студенческом движении сохранились в архиве писателя. Очевидно, кроме использованных нами выше писем Ал. П. Чехова, Н. М. Ежова и М. В. Лаврова, Чеховым до 18 марта были получены и другие письма, авторы которых, за исключением Суворина, остаются неизвестными. Подобные встречи с учащейся молодежью принимавшей участие в университетских беспорядках, бывали у Чехова и раньше: в апреле 1897 г. его посетили в Мелихове два студента Московского университета, с которыми он беседовал о студенческих волнениях, о литературной работе, о желательности издания студенческой газеты (А. «У А. П. Чехова в Мелихове». — «Русские ведомости», 1909, № 150, от 2 июля).

⁵ В воспоминаниях журналиста М. Галлерпина, встречавшегося с Чеховым в Ницце в декабре 1900 г., переданы аналогичные его высказывания. В беседе о молодежи, о студенческих волнениях Чехов заметил, что «бунтующие теперь либералы сделаются по окончании университета серенькими чиновниками, жаждущими теплого местечка» («Киевлянин», 1904, № 186, от 7 июля).

⁶ В марте 1899 г. в Харьковской судебной палате по протесту прокурора вторично слушалось дело по обвинению братьев Скитских в убийстве секретаря Полтавской духовной консистории А. Комарова (за год до этого, в марте 1898 г., обвиняемым был вынесен оправдательный приговор). Дело Скитских вызвало на Украине большое общественное возмущение.

⁷ В настоящей статье мы не имеем возможности подробно останавливаться на эпизоде с «Маленькими письмами» Суворина, оставившем много откликов в переписке Чехова 1899 г. (XVIII, 112, 134, 140, «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, стр. 386—391; М. Горький и А. Чехов. Сборник материалов. Переписка, статьи, высказывания». М., 1951, стр. 38—41). Эта тема может быть предметом самостоятельного рассмотрения.

⁸ Официальное сообщение об этих «беспорядках» было тогда же перепечатано из «Правительственного вестника» многими газетами (см., напр., «Русские ведомости», 1901, № 65, от 7 марта). См. также публикацию «Студенческое движение в 1901 г.» — «Красный архив», 1936, № 2 (75), стр. 83—112.

⁹ Министр народного просвещения Н. П. Боголепов, ненавидевший студенчеству, умер после выстрела в него, совершенного 14 февраля 1901 г. исключенным из Петербургского университета студентом П. В. Карповичем. Суд над Карповичем был назначен на 3 марта, и к этому дню студентами была приурочена демонстрация. Но суд был отложен, и демонстрацию перенесли на 4 марта (см. «Искра», 1901, № 2).

¹⁰ Здесь и ниже материалы из «Искры» цитируются по изданию: «Искра», 900—1903». Л., 1925—1929.

¹¹ Анреп был директором Петербургского женского медицинского института. После подавления студенческих волнений в Петербурге он в мае 1899 г. был назначен попечителем Харьковского учебного округа.

¹² Значительно более трезво судил о перспективах ожидаемых от нового министра народного просвещения академических реформ В. С. Милюков, который писал Чехову 22 июня 1901 г.: «Сейчас прочитал в „Новом времени“ перепечатку из „Одесских новостей“, что министр Ванновский просил попечителя Одесского учебного округа вновь рекомендовать сочинения М. Н. Каткова для приобретения в фундаментальные библиотеки учебных заведений и в бесплатные народные библиотеки в виду высокорелигиозного, нравственного и патриотического их направления. 1-е предложение попечителем было сделано Мин. нар. проsv. в сентябре 98 г. Вдова Каткова довела до сведения министра, что далеко не все учебные заведения приобрели сочинения ее мужа. Министерство теперешнее, думающее (?) дать автономии университетам, предлагает попечителям распространять сочинения автора, который с пеною у рта ратовал в последние годы за то, чтобы заковать университетскую жизнь в бюрократические цепи. Такова везде у нас последовательность! И можно ли верить в предполагаемые реформы?»

¹³ О поведении молодежи на спектакле «Доктор Штокман» Чехов еще до письма Мейерхольда узнал от О. Л. Книппер: «Вчера мне в театре говорила редакторша „Женского дела“, что будто арестовали Л. Толстого и с жандармами отпирывали за границу — мне кажется это чудовищным и пока не верю <...> Здесь на выставке молодежь убрала цветами его портрет (Репина) и сильно шумела и аплодировала. На Штокмане у нас происходило ужас что благодаря смутному времени. Не давали

говорить Штокману — зала была наэлектризована, — беснование было полное» («Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 371).

¹⁴ О продолжающейся высылке из Петербурга писателей и общественных деятелей, участвовавших в подписании протестов против бесчинств полиции в день 4 марта, сообщал Чехову и Миролюбов: «Из Петербурга продолжают высылать. Скоро, кажется, никого не останется из тех, кто подписал какую-нибудь из ходивших в это время петиций и обращений.

Сегодня объявили Пешехонову, Чирикову. Несколько дней тому назад Фальборку, ЧарнолуССкому, Диксону, Кранихфельду и др. Только и слышишь одни неприятности. На душе тяжело» (письмо от 25 июня 1901 г.).

¹⁵ Как твердо был убежден Горький в том, что революционное начало будет неизбежно усиливаться в сознании Чехова, рассказывает один из мемуаристов. По его свидетельству, Горький 17 января 1904 г., на премьере «Вишневого сада», сказал Чехову: «Озорную штуку вы выкинули, Антон Павлович. Дали красивую лирику, а потом звякнули со всего размаха топором по корневищам: к черту старую жизнь! Теперь, я уверен, ваша следующая пьеса будет революционная» (В. Тройнов. Московские встречи. — «Литературная газета», 1938, № 18, от 30 марта).

¹⁶ Ноябрьские события 1903 г. в Киеве, которые имеет в виду Судержницкий, нашли свое отражение в местных газетах, материалы которых перепечатывались в столичной прессе. См. в «Русских ведомостях», 1903, № 329, от 30 ноября заметку о том, что в киевских газетах опубликовано постановление губернатора об аресте от трех месяцев до одной недели 45 студентов, задержанных 19 ноября возле университета во время уличных беспорядков. В «Новом времени», № 9957, от 22 ноября было перепечатано сообщение киевских газет о приостановлении занятий в университете св. Владимира на 19 и 20 ноября.

¹⁷ Кроме того, в середине марта в большинстве газет было перепечатано из «Правительственного вестника» правительственное сообщение, в котором указывалось, что волнения молодежи высших учебных заведений в конце минувшего 1901 г. приняли «явно противоправительственный характер». Далее шло изложение событий в Москве, имевших место 9 февраля и 17 февраля, и приводилось «высочайшее повеление» по делу о 682 участниках беспорядков в Москве. 95 человек высылались под надзор полиции в пределы Иркутского генерал-губернаторства на срок от двух до пяти лет; 567 человек (в том числе 537 студентов Московского университета) были подвергнуты тюремному заключению на срок от трех до шести месяцев, с отбыванием наказания во временной Архангельской тюрьме.

¹⁸ В архиве Чехова сохранилось еще несколько писем от отдельных студентов, подвергавшихся репрессиям за участие в волнениях. В большинстве из них содержатся просьбы о денежной помощи, в некоторых — просьбы о разрешении встретиться для беседы или о присылке книг с произведениями писателя (письмо Александра Воронца, 1890-е годы, с карандашной пометой Чехова: «Послано 3 р.»; Н. А. Чудова от 21 декабря 1899; А. Н. Ерофеева от 17 августа 1900; В. И. Евтихьева от 1 июня 1901; Н. Китаевича от имени административно-сылных в г. Киренске, 1902; б. студента Лембергского политехникума, февраль 1904).